

Томаш Цесельский (Ополье, Польша)

ПОСЛЕДНИЕ БОЕВЫЕ ТРИУМФЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО – БИТВЫ ПОД ЛЯХОВЦАМИ И НАКВАШЕЙ

НАЧАВШИЙСЯ в 1700 г. вооруженный конфликт, вошедший в историю под названием «Великая Северная война», дорогой ценой обошелся Великому княжеству Литовскому и его жителям. Литовская армия приняла участие в нем с самого начала, так как уже в 1700 г. оказала поддержку саксонской армии во время инфляндской экспедиции. В этих военных действиях участвовало, по мнению саксонских историков XIX в. О. Шустера и Ф.А. Франке, 1600 литовских солдат, Я. Виммер считал, что численность войск Великого княжества следует оценивать в 3000 частной армии Сапег и 1200 легкой татарской конницы¹. В отношении этой последней речь может идти о литовском отряде, которым командовал литовский подстольник генерал-майор Михал Потоцкий, он под конец сентября 1700 г. присоединился к саксонской армии, но, возможно, говорится о двух разных военных частях. К издержкам, связанным с формированием и снабжением польско-литовских вспомогательных войск во время кампании 1700 г., добавились повинности на содержание саксонских отрядов, квартирующих в Паланге и Кретингском старостве, а главным образом – на постоянную армию Великого княжества Литовского, насчитывающую накануне войны 3760 единиц (плюс трибунальская хоругвь)².

Существенное участие в первоначальной фазе конфликта могло означать, что в войне, начатой королем Августом II Веттинским против Швеции, литовцы сыграют важную роль. Этого, однако, не случилось, что было обусловлено гражданской войной в Великом княжестве, которая незамедлительно привела к почти полному развалу литовской армии. Не задержала этого процесса, а напротив, усилила

и развила в следующие восемь лет битва, состоявшаяся под Олькениками (Валькининками) 19 ноября 1700 г. Совершившийся в ее результате политический и военный раскол Великого княжества был необычайно сильным и основательным³, так как лишённые сначала власти, а затем гражданских прав и имуществ Сапеги сохранили достаточно многочисленных сторонников, а также способность содержать и предоставлять военные части. Благодаря этому они сумели противостоять вооруженным силам республиканцев, даже несмотря на то, что последние уже под Олькениками создали новую армию Великого княжества в размере 7700 жолдовых ставок. Командование ею, а также уездными хоругвями отдали Михалу Сервецию Вишневецкому, имевшему титулатуру генерального полковника, а затем великого гетмана⁴.

Лагерь республиканцев, имевший военное и политическое превосходство после Олькеникской битвы, и стал официально считаться Литвой, поддерживаемой Августом II и начиная с 1702 г. связанной военно-субсидиальной системой с Россией. Сапеги, однако, стали союзниками Швеции⁵, в результате чего военно-политический потенциал республиканцев оказался слишком слаб, чтобы они были в состоянии благополучно для себя разрешить внутренний конфликт в Великом княжестве. Прежде всего, однако, «республиканская Литва» не была в состоянии защитить территории государства от шведской агрессии, а военные события весной–летом 1702 г. не оставляли сомнений, что поводом этого была слишком слабая и неподготовленная к войне литовская армия⁶.

Вспыхнувший вооруженный конфликт Великого княжества со Швецией быстро использовали Сапеги, которые в середине 1702 г. восстановили свои вооруженные силы. Пользуясь военной и финансовой поддержкой шведов, они сумели в последующие годы постоянно содержать по несколько тысяч солдат. Невозможно на основании сохранившихся источников точно определить, сколько их могло быть. Как минимум, следует принять численность в 3000, так как такое количество конницы Сапег использовали осенью 1706 г. шведы, действующие в Польше. Именно эти конные отряды приняли позорное участие в битве под Калишем 29 октября 1706 г.⁷

Республиканская Литва также увеличила компут (штат) армии Великого княжества до 12 000 ставок на основании принятого летом 1703 г. на сейме в Люблине решения⁸. Благодаря русским субсидиям такая армия вскоре была создана, увеличивая при этом финансовую

нагрузку на жителей Литвы. Однако действительные издержки войны были значительно выше, так как следует учитывать финансирование уездных хоругвей и экспедиционных частей, содержание союзнических русских войск, а также военные контрибуции, которые накладывали шведы⁹.

Республиканские вооруженные силы не сумели предотвратить фактическое ограбление Литвы, хотя периодически насчитывали даже до 20 000 солдат регулярной армии, уездных хоругвей, частных отрядов и магнатских милиций. Участвовали они в крупномасштабных военных операциях; так, например, в 1703 г. около 6000 литовских солдат действовало на польской территории совместно с коронными и саксонскими войсками, а в 1704 г. несколько тысяч литовцев при поддержке русских заняли Курляндию и осаждали Селпилс¹⁰. Однако эффект этих действий был минимальным, а курляндская экспедиция 1704 г. закончилась поражением, понесенным в столкновении со значительно более слабой шведской армией генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта под Кройцбургом (Екабпилс, Jekabilis, Jakobstadt) 5 августа 1704 г. (7000 шведов победили 18 000 литовцев и русских под командованием М.С. Вишневецкого). В результате военные успехи республиканской Литвы свелись к завоеванию Старого Быхова 10 октября 1702 г. и победам в незначительных столкновениях с силами Сапег, как, например, у Шкуд 1 сентября 1704 г. Относительно чаще с победой из таких стычек выходил противоположный лагерь, и можно здесь припомнить столкновения летом 1704 г. под Друей и Янишками или же зимой 1706 г. под Олитой и Олькениками. Однако именно войска Сапег внесли свой вклад в крупные победы Лёвенгаупта над литовско-русскими и русскими армиями¹¹.

Истоки литовских военных неудач в 1701–1706 гг. главным образом лежат в политико-военном расколе Великого княжества Литовского, а также в недостатке способностей у командного состава. Часто проявлялись нерешительность, недостаток веры в собственные силы, а возможно, даже обыкновенная трусость. Чем еще можно было бы объяснить решение Михала Сервация Вишневецкого и жмудского старосты Григория Антония Огинского сдать в апреле 1702 г. Вильно и уклониться от битвы со шведско-сапегинской группировкой Карла Густава Мернер аф Морланда и Магнуса Стенбока, хотя, по данным Игнация Ольшовского, они располагали 20 000 вооруженных людей, а силы неприятеля следует оценить максимум в 10 000 солдат¹²?!

Военно-политическая ситуация на Литве изменилась зимой 1707 г., когда на сторону Карла XII и Станислава Лещинского перешел великий гетман Вишневецкий. Взамен за обещание сохранить на государственных постах его брата (краковского воеводы Януша Антония Вишневецкого) и еще нескольких сторонников, а также учитывать их при присвоении новых достоинств и староств, Михал Сервеций согласился передать власть великого гетмана литовского виленскому воеводе Казимиру Яну Сапеге, сам довольствуясь полевым гетманством. Вишневецкий привел за собой большую часть армии Великого княжества, тем временем на стороне русских осталась только дивизия Григория Огинского и небольшие группировки Людвика Константина Потея и Казимира Заранки¹³. Это позволило объединить большую часть литовского военного потенциала под скипетром Станислава I (а точнее – под властью Карла XII).

Изменения, произошедшие в 1707 г., привели к ухудшению политической и военной ситуации Великого княжества Литовского, поскольку реакция царя Петра I на отступничество Вишневецкого была быстрой и решительной. Русские армии сначала в июне 1707 г. заняли Старый Быхов, ликвидируя контролирующую до тех пор восточную часть белорусской территории группировку генерала артиллерии Кшиштофа Казимира Сенницкого, который только несколькими неделями ранее из рьяного «республиканца» превратился в подданного Станислава Лещинского. Затем русские предприняли наступление в западном направлении и, не встречая практически никакого сопротивления, овладели большей частью территории Великого княжества от Днепра до Вильно, Ковно и Бреста-Литовского. Войска, верные Вишневецкому, отступили в направлении Жмуди, где получили поддержку шведской и сапегинской армий¹⁴.

Военно-политическая ситуация изменилась в январе 1708 г., когда на земли Литвы вступила шведская армия Карла XII. Поддержанная литовским войском, она заставила русских поспешно отступить на Инфлянты и в окрестности Витебска. В марте 1708 г. Михал Сервеций Вишневецкий и Казимир Ян Сапега, выполняя решения, принятые в предыдущем году, объединили свои военные группировки в лагере под Гераненами, создавая армию «из двух в единство соединенных». Насчитывала она 12 000 единиц, состояла из 7 гусарских хоругвей – 820 коней, 23 пятигорских и панцерных – 2520 коней, 3 полков легкой кавалерии – 2000 коней, 3 региментов рейтар – 1900 коней, 3 драгунских региментов – 2100 коней и 4 региментов

пехоты – 2700 единиц¹⁵. Через два месяца, 14 мая 1708 г. командование армией и титул великого гетмана литовского были переданы генеральному старосте великопольскому и бобруйскому Яну Казимиру Сапеге¹⁶, который был, пожалуй, наиболее талантливым литовским командующим времен Великой Северной войны.

Литовские союзники русских зимой и в начале весны 1708 г. потеряли часть своих воинских частей, которые перебежали в армию Сапег. Самая крупная группировка – дивизия под командованием Огинского, лишенная поддержки русских войск, была разбита шведами над рекой Орешей вблизи Любани и отступила на Вольнь¹⁷. В середине 1708 г. Ян Казимир Сапега предпринял попытку разбить дивизию Огинского, но последняя уклонилась от битвы, укрывшись в недоступных болотах в районе Сокаля, где дождалась помощи коронной армии великого гетмана Адама Николая Сенявского. Теперь Сапега, в свою очередь, не решился начать сражение с врагом, превышающим его численностью, и отступил под Брест-Литовский. Однако и он смог вскоре похвастать военными успехами, поскольку посланный на белорусскую территорию сильный отряд Валентина Хмары разбил в Мозырском уезде несколько хоругвей, признающих власть Огинского, а затем вытеснил русских из Орши¹⁸.

До весны 1709 г. Сапега эффективно оборонял территории Великого княжества, одновременно расширяя, довооружая и обучая литовскую армию. Основные ее силы расположились на квартирах в Пинском и Брестском уездах, а гетманская штаб-квартира находилась в Косове Подляском¹⁹. В феврале 1709 г. посетил Сапегу минский староста Кшиштоф Завиша, который в Косове – как записал он в своих мемуарах – провел четыре недели, «как в раю», в отборном обществе множества пань, государственных и военных служащих, с которыми «человек мог бы жить и до смерти»²⁰.

Период интенсивной жизни местного общества, приемов и игр длился не только на протяжении всего карнавала (до 12 февраля), но затянулся и на период поста. Под конец первой декады марта, в свою очередь, у Завиши в Роготной гостило многочисленное общество, прибывшее из Косова и с закончившего 23 февраля 1709 г. Главного Трибунала Великого княжества Литовского²¹. В этих встречах участвовали, кроме великого гетмана Яна Казимира Сапег и виленского воеводы Казимира Яна Сапег, также троцкий воевода Ежи Станислав Сапега, генерал-майор Юзеф Сапега, чашник литовский Кшиштоф Вершина, минский хорунжий Ян Завиша, мечник литовс-

кий Александр Пшездецкий и другие сановники, чиновники, трибунальские депутаты и юристы. Военное командование, помимо Сапег, представляли полковники Казимир Урбанович (служил у Станислава Лещинского, а не в литовской армии), (Анджей?) Конаржевский и Леон Новосельский (одновременно гетманский бунчучный)²².

В Роготной 8–9 марта 1709 г. состоялось совещание, на котором, видимо, было принято решение о приведении литовской армии в состояние полной боевой готовности. Это была реакция на обращения к литовцам Карла XII и Станислава Лещинского с целью побудить их предпринять решительные военные действия. Однако, если верить так называемой «Литовской хроничке», Ян Казимир Сапега еще долго не спешил начинать наступление против русских войск, их польских и литовских союзников. Поводом была агитация Эльжбеты Сенявской, которая уговаривала бобруйского старосту перейти на сторону русских, обещая ему сохранение гетманской булавы, хотя только полевого гетманства, так как титул великого гетмана должен был получить Григорий Огинский. Пассивность литовской армии могла привести к ссоре Сапеги со Станиславом Лещинским, но эту ситуацию удалось смягчить, обмениваясь корреспонденцией, хотя появились и сообщения о мнимой поездке короля под Брест²³. Известно, действительно ли имело место посредничество Сенявских, гетмана Адама Николая и его жены Эльжбеты, целью которого было бы примирение Сапеги с Григорием Огинским, срыву же которого способствовали главным образом переговоры последнего с князьями Вишневецкими²⁴. Эта информация заставляет осторожнее подходить к вопросу о том, что было главной целью экспедиции литовских войск весной 1709 г. на Волынь – оказание ли поддержки шведско-польским войскам Станислава Лещинского и генерала Карла Эрнста фон Крассова, пытающимся тогда пробиться к находящейся на Заднепровской Украине шведской армии Карла XII, или же желание разгромить дивизию главного соперника, претендующего на власть над литовской армией, – Огинского. В другом повествовательном источнике, повести монаха-базилианина Яна Олешевского «*Abrys domowey nieszcześliwości*» можно найти информацию о том, что главной причиной проведения волынской экспедиции было желание обеспечить армию лучшими условиями расквартирования на Волыни, чем это имело бы место в разоренных окрестностях Бреста²⁵. Под конец второй декады марта 1709 г. Ян Казимир Сапега созвал в лагере командный состав, в числе которого был и Кшиштоф Завиша, за-

писавший в своих мемуарах, что он выступил в этот военный поход как под влиянием словесных уговоров гетмана, так и ввиду материального побуждения, так как получил коня с полным снаряжением, пару тягловых коней и «турецкую саблю»²⁶. Не все войско получило приказ марша на Волынь, так как в Великом княжестве оставались под командованием генерал-майора Юзефа Сапеги 72 хоругви конницы, 1000 рейтар и 2 пехотных регимента, разделенных на четыре группировки²⁷.

В Вербное Воскресенье, то есть 24 марта, Сапега направился в военный лагерь и приказал начать марш. Через Камень Каширский и Несухойже²⁸ войско прибыло в Ковель, в котором провело пасхальные праздники (31 марта – 1 апреля). Командный состав принимал у себя в это время староста острешовский и ковельский Стефан Лещинский. Далее войско промаршировало около 75 км на юг под Локачи²⁹, где была организована штаб-квартира литовской армии. Военные отряды расположились в близлежащих местностях. По польским донесениям Сапега располагал, по крайней мере, 50 хоругвями конницы народного авторамента, 500 рейтарами и каким-то числом драгун, по мнению же русских – 56 хоругвями конницы и 16 эскадронами рейтар³⁰. Как кажется, это была кавалерийская дивизия, насчитывающая около 5000 солдат.

После нескольких дней отдыха, которые – как следует из «Relacji o Akcjey między Lachowcami i Białohorodką z generałem Inflantem i Jm Panem Ogińskim» – позволили также провести разведку местности, узнавая расположение подчиненных Григорию Огинскому частей и русских войск генерал-майора Николая Ифлянта³¹, Ян Казимир Сапега приказал начать дальнейшее продвижение. Автор «Литовской хронички»³² считает, что гетмана уговорил прибывший в Локачи эмиссар Станислава Лещинского, подканцлер литовский Станислав Антоний Щука³³.

В соответствии с гетманским приказом армия должна была продвигаться вдоль тракта, ведущего через Берестечко и Кременец под Ляховцы. Главной целью, стоящей перед Сапегой, была внезапная атака дивизии Огинского в местах ее расквартирования и, по возможности, уничтожение или же нанесение таких потерь, которые длительное время не позволили бы ей участвовать в военных действиях. Это казалось возможным ввиду численного перевеса группировки Сапеги над врагом, так как Огинский и Ифлянт располагали 3000–3500 литовских и русских солдат. Кроме того, квартировали

они в отдаленных друг от друга на около 16 км местностях Ляховцы³⁴ и Белогородка³⁵ в северной Вольни над рекой Горынью. С западной стороны группировку, которой командовал Огинский и Ифлянт, охраняли разьезды и форпосты, выставленные литовской кавалерией. По крайней мере, так дислокацию неприятельских сил представил Ян Казимир Сапега в «Relacji o Akcjej między Lachowcami i Białohorodką...», последняя же является самым обширным источником, описывающим экспедицию литовской армии³⁶. Ценным ее дополнением служат воспоминания Кшиштофа Завиши, командира той части армии, которая сыграла решающую роль в боях с врагом³⁷. Третьим источником является «Литовская хроничка», созданная в кругу недоброжелательно настроенных по отношению к Сапеге Вишневецких³⁸.

Сравнивая приведенную в них информацию, можно констатировать, что Ян Казимир Сапега одним из главных факторов достижения успеха считал быстроту марша и элемент внезапности. Поэтому, начиная марш 9 апреля³⁹ из Локачей, поделил своих подчиненных на несколько отрядов, и только их командиры были информированы о цели экспедиции, маршруте и месте соединения армии. Последнее произошло между Берестечком и Кременцом, т. е. почти в половине дороги до Ляховцев. К тому времени авангард Сапегы ликвидировал часть разьездов и выдвинутых вперед постов врага, от пленников получая точную информацию о месте расквартирования Огинского. Не встретили при этом никакого сопротивления, пока не приблизились к Малым Загайцам, отдаленным на около 26 км от Ляховцев⁴⁰. В тамошнем монастыре базилианов, окруженном рвом и валом, укрылось несколько десятков подчиненных Огинского под командой поручика или ротмистра Тарнавского. Они оказали отчаянное сопротивление, которое не сумели сломить несколько кавалерийских хоругвей под командованием ротмистров Миронского и Кошеновича. В этой ситуации Сапега решил послать им пополнение и дополнительно, не желая обнаружить свое присутствие, в Малые Загайцы отправил Завишу, который должен был склонить защитников монастыря к капитуляции. Однако минский староста ничего не добился, а лишь подвергся оскорблениям со стороны Тарнавского. В этой ситуации Сапега привел под Малые Загайцы целую дивизию, приказал спешить почетовых (челядников) части хоругви, которые и взяли монастырь штурмом. Тарнавский был расстрелян в наказание за оказанное сопротивление и заносчивое поведение, но главным образом для того, чтобы запугать других подчиненных Огинского⁴¹.

Бой за Малые Загайцы сдержал марш дивизии Сапеги, так как после занятия монастыря появилась необходимость распорядиться об организации отдыха, продолжавшегося до вечера 10 апреля. Наверное, это способствовало относительно раннему предупреждению Огинского о грозящей ему опасности. По мнению автора «Литовской хронички», до боя за Загаецкий монастырь дивизия Сапеги двигалась быстро и «тихо», поскольку после Берестечка она обходила все поселения. Однако экономя кременецких имений Вишневецких, услышав отзвуки боя или же случайно заметив передвижения литовской армии, уведомил об этом Огинского почти в последний момент, ночью с 10 на 11 апреля, когда под Ляховцы подходили части Сапеги⁴². Из донесения последнего известно, что вечером 10 апреля он дал приказ выступать, хотя кони еще не успели достаточно отдохнуть. Гетман хотел застигнуть врага ночью, но эта ночь была слишком темной, и после перехода около 10 км он был вынужден задержать марш. Возобновил его через несколько часов, и на рассвете отряды остановились над Горынью. По мнению Сапеги, только тогда его подчиненных обнаружил один из караульных постов врага и предупредил Огинского об опасности. Староста жмудский приказал немедленно отступить, что было выполнено исправно, так как авангард Сапеги под командой брестского каштеляна Григория Коптя и Кшиштофа Завиши застал в Ляховцах только караул аррьергарда Огинского⁴³. Кавалерийские хоругви авангарда после занятия поселения кинулись в погоню за врагом и добрались до реки Уловы, переправу через которую защищали русские гренадеры, располагающие одной пушкой. Завиша ввязался в бой с ними до подхода главных сил дивизии Сапеги. Ввиду численного перевеса литовцев русские отступили на восточный берег речки, повреждая и загорая таборными возами мостовую переправу. Однако это не удержало атаки дивизии Сапеги, так как три кавалерийские хоругви сумели преодолеть водное препятствие, захватить и удержать плацдарм на мосту. Постепенно через речку переправилась вся дивизия, что позволило литовцам сломить сопротивление русских гренадер и ворваться в Белгородку. Сапега ожидал, что Огинский и Ифлянт вступят с ним в бой, защищая штаб-квартиру русского генерала, но этого не произошло. Литовско-русские армии продолжали поспешное отступление, останавливаясь лишь в отдаленной на 60 км Лабуни⁴⁴ (Сапега) или в Озоховцах⁴⁵ («Литовская хроничка», письмо А. Меншикова). Помочь им старалась иррегулярная русская конница (казацкая и ва-

лашская) под командованием полковника А. Танского, но отступила, получив известие о поражении в стычке под Ляховцами-Белгородкой. Сапега после занятия Белгородки, в которой добыли не только обозы и запасы неприятеля, но также и генеральскую кухню, сдержал марш и 12 апреля приказал начать отступление к Берестечку, куда гетманская дивизия прибыла еще в тот же день⁴⁶.

Ян Казимир Сапега и Кшиштоф Завиша не сомневались в решительной победе литовцев. Гетман в своем донесении подчеркнул два факта: враг бежал и оставил победителю значительную материальную добычу. Потери в частях, которыми командовал, оценивал как незначительные⁴⁷. Завиша в своих воспоминаниях утверждал, что неприятель был изгнан с занимаемых квартир, теряя «множество обозов» и «несколько сотен Москвы, прежде всего, хорошо обмундированных гренадер». Добавил к этому и смерть Ифлянта, который «с отчаяния после поражения и постыдного бегства в неделю умер»⁴⁸. Автор «Литовской хронички» тоже несколько не сомневался, что дивизия Сапеги победила, хвалил мужество гетмана, который, когда его отряд был задержан при переправе через речку, спешил своих людей и лично повел их в атаку. Что касается случая смерти Ифлянта, то приписывал его чрезмерному пьянству с генералом Грановским⁴⁹.

Известен мне только один источник, приписывающий победу русско-литовской стороне – письмо генерала Александра Меншикова к царю Петру I от 25 апреля 1709 г. Из него следует, что Сапега застиг дивизию Огинского пребывающей на квартирах, но на помощь прибыл генерал Ифлянт во главе 500 человек. Они вступили под Белгородкой в победоносную схватку с бобруйским старостой. Сапега, видимо, потерял «несколько» человек, а равно несколько военных значков, вероятно, принадлежащих хоругвям. По его сообщению, с русской стороны погибло 5, а ранен 31 драгун⁵⁰. В очередном письме Меншиков передал царю полученное от великого коронного гетмана А.Н. Сенявского известие о смерти генерала Ифлянта⁵¹.

После битвы под Ляховцами-Белгородкой великий гетман литовский остановил проведение наступательной операции и на протяжении 6 недель стоял лагерем в Берестечке, проводя переговоры с собранной на сеймике волынской шляхтой об условиях содержания своей армии, а также якобы о снабжении своей «кухни»⁵². Одновременно солдаты отдыхали, а командиры развлекались охотой⁵³. В это время продолжались также консультации со Станиславом Лещинским, который вместе с польскими и шведскими войсками под коман-

дованием генерала фон Крассова в марте 1709 г. оставил Великую Польшу⁵⁴, передислоцировался в западную часть русского воеводства, организуя свою ставку в Высоцке. Вначале, 19 апреля, Сапега послал к королю Завишу, чтобы он разузнал, «что делать далее», а равно сориентировался о том, ведутся ли переговоры с командующим войсками сандомирской конфедерации гетманом и белзским воеводой Адамом Николаем Сенявским. Минский староста был хорошо принят в Высоцке, король Станислав Лещинский одарил его турецким конем, обещал пенсион в размере 3000 талеров и первый же освободившийся министерский пост Великого княжества Литовского. В королевской ставке Завиша пребывал 5 дней, но в лагерь под Берестечком возвратился лишь 3 мая⁵⁵. Неизвестны результаты его миссии, однако известно, что 7 мая Ян Казимир Сапега передал командование минскому старосте и лично отправился к королю⁵⁶.

После возвращения из Высоцка, 20 мая гетман отослал из Берестечка обозы под конвоем нескольких конных хоругвей, а остаток своей дивизии привел в состояние боевой готовности в связи с появлением под Вишневецом неприятеля⁵⁷. Это был авангард созданного в декабре 1708 г. «Заднепровского корпуса» под командованием генерал-фельдмаршал-лейтенанта Генриха фон дер Гольца, которому Петр I поручил задание не допустить вторжения на восточную Украину шведско-польских войск Станислава Лещинского и генерала фон Крассова. Вначале Гольц получил приказ не отдаляться от линии Днепра в западном направлении более чем на 20 миль (около 150 км) и поэтому зиму провел в Киеве. Петр I 15 января 1709 г. расширил дальность действия корпуса в западном направлении, но Гольц лишь в феврале или марте послал в глубь территории Речи Посполитой в качестве передовых отрядов части генерал-майора М. Ифлянта и полковника А. Танского с 3 драгунскими regimentами и полком валашской конницы (с частью этих отрядов Сапега столкнулся под Ляховцами). Сам фельдмаршал начал марш во главе основных сил корпуса, которые состояли из 3 драгунских и 3 regimentов пехоты, лишь на переломе апреля и мая 1709 г.⁵⁸ через Пиков и Плоскуров прибыл в Черный Остров⁵⁹, где соединился со своим авангардом, литовским войском Огинского и коронным Сенявского. На состоявшемся в начале второй половины мая совещании командующих союзнических армий было решено продолжить марш на запад, при этом русские части должны были продвигаться трактом, который далее всего был выдвинут на север и вел через Подкамень⁶⁰. Гольц включил в свой

корпус отряды, составлявшие до сих пор авангард, поэтому его силы увеличились до 6 драгунских, 3 пехотных полков и полка валашской конницы, и если численность частей тогда приближалась к штатному расписанию, то располагал более 10 000 солдат⁶¹. В литовской армии полагали, что русский корпус насчитывал 5 драгунских и 6 пехотных полков, т. е. более 12 000 солдат⁶². В битве у Подкаменя участвовала только часть из этих войск, но даже если это было только 6 полков, то и так русские были значительно сильнее в сравнении с литовской группировкой, в состав которой, по информации Сапеги, входили 33 пятигорские и панцерные хоругви, 7 татарских хоругвей и 300 рейтар и драгун⁶³. Завиша считал, что после того, как были отосланы обозы, у гетмана осталось 3000 солдат⁶⁴.

Неизвестно, имел ли Сапега понятие о значительном численном и огневом перевесе врага. Кажется, что нет, а обмануло его то, что корпус Гольца был сильно растянут на местности и казался гораздо более слабым, чем был в действительности. Автор «Литовской хронички» считал, что Сапега, предпринимая марш на врага, ожидал встретить слабую дивизию Огинского⁶⁵. Достоверно то, что после трех дней выжидания великий гетман литовский 23 мая отправился в направлении Почаева⁶⁶, поделив дивизию на две части. В первой, которой командовал ротмистр Миронский, находилось 17 пятигорских и панцерных хоругвей, а во второй, которая из-под Берестечка выступила в пятом часу после полудня, основными силами командовал лично гетман. После ночного марша дивизия достигла Почаева и остановилась утром 24 мая в лесу. Тогда же от пойманного попа узнали о марше основных русских сил к Подкаменю, а по оценке разезда татарина Корицкого состояли они из 6 пехотных и 5 конных полков. Сапега принял тогда команду над передней охраной, состоявшей из легких хоругвей, поручая командование главными силами Завише. Литовский авангард, следуя в направлении Подкаменя, наткнулся около замка Цетнеров под селом Наквашей⁶⁷ на русский интендантский отряд, состоявший из нескольких сотен солдат, который он разгромил, взяв в плен 2 офицеров и 32 драгуна. Пленников Сапега отослал в тыл дивизии под конвоем татарской хоругви Рубая, сам ожидая под Наквашей подхода остальной части своего войска. Вскоре атаку на его позицию провела иррегулярная русская конница, но была эффективно отбита. Вслед за побитыми казаками и волохами прибыла регулярная русская кавалерия, которая потеснила легкую литовскую конницу. Сапега отреагировал на это, направляя в

бой свои главные силы⁶⁸. Литовцам способствовал рельеф местности, который не позволял русским развернуть строй, последние были скучены на небольшом пространстве, ограниченном лесами, болотистой местностью и рекой Иквою⁶⁹. Гетман лично руководил атакой, в которой литовская конница сошлась в рукопашном бою с русскими, заставляя их отступить⁷⁰. В этот раз неприятель использовал условия местности и укрылся в лесу, дожидаясь поддержки со стороны артиллерии и полков пехоты, приведенных князем Михаилом Голицыным. Ввиду численного и огневого превосходства русских, не располагая пехотой и артиллерией, Сапега, после трехчасового боя (с 14 до 17 ч.), приказал отступить. Уходящих из-под Накваши литовцев, преследовала на расстоянии около 10 км только иррегулярная русская конница под командой полковника Танского. Она не была серьезной угрозой для дивизии Сапеги, которая около 23 ч. достигла Берестечка, чтобы на следующий день, 25 мая выступить вслед за обозами. Однако, 26 мая не нашла последних в условленном месте под Крыловом, поскольку из-за слухов о разгроме гетманской дивизии обозы отошли под Дубно⁷¹.

Сапега и его подчиненные не считали, что были побеждены, а только вынуждены были оставить поле битвы после того, как нанесли врагу серьезный урон. В литовском лагере оценивали, что на русской стороне пало около 1000 человек, осталось много раненых, в плен попало 50 солдат. Собственные потери оценивались около 100 убитых, раненых и попавших в плен к русским, среди последних самым высоким по рангу был бунчучный гетманский Леон Новосельский⁷². Завиша считал, что была разгромлена русская конница, которая потеряла 800 убитыми и более 1000 ранеными, но «едва ли кто-то из них выжил». Собственные потери он оценивал в 150 убитых и раненых⁷³. Автор так называемой «Литовской хронички» тоже признавал, что литовцы не понесли «большого урона»⁷⁴. В своих мемуарах Завиша, который во время боя командовал основной литовской группировкой, отметил: «Победа у нас»⁷⁵, а «Relacja Podjazdu odprawionego J[ego] M[ości] Pa[na] Hetmana W[ielkiego] W[ielkiego] X[ięstwa] L[itewskiego] z Moskwą pod Podkamieniem d[ie] 24. Maj 1709» заканчивается гордым утверждением: «Так тогда Литва поприветствовала гостей»⁷⁶.

Противоположного мнения был фельдмаршал Генрих фон дер Гольц, который доложил царю Петру I, что 24 мая посланные им 1500 драгун разбили группировку бобруйского старосты, в состав

которой входило 5000 солдат и некое количество нерегулярного войска. С русской стороны пало 16, раненых было 25 солдат. Потери противника Гольц не был в состоянии оценить, если речь шла об убитых и раненых, но его подчиненные взяли в плен 48 литовских солдат во главе с бунчучным Леоном Новосельским и добыли 6 знамен⁷⁷.

Русским приписывала победу также часть польско-литовских хронистов. Ян Олешевский в «*Abrysie domoweу nieszczęśliwości...*» соединил в одну битву под Ляховцами и Наквашей, в которой как будто бы Сапега не только потерял много людей, но также сам был в большой опасности и «еле спас здоровье свое». После понесенного поражения литовцы «ускользнули» на территорию Великого княжества и затем постоянно квартировали в районе Бреста⁷⁸. Автор «*Pamiętnika Wielkiej Wojny Północnej*» Вавжинец Ф. Раковский считал, что под Наквашей литовцы были разбиты, потеряв более 3000 солдат⁷⁹.

Такая оценка результата столкновения под Наквашей могла быть эффектом намеренных пропагандистских усилий прорусского лагеря, равно как и эхом паники, посеянной в рядах литовской армии солдатами, которые сбежали с поля битвы до ее окончания. В действительности литовская армия в порядке отступила через Берестечко в окрестности Каменца Литовского⁸⁰. В последующие недели она вела себя очень пассивно и не пробовала оказывать сопротивление русским армиям, которые с востока занимали литовские земли, в августе вступив в Минск. В начале октября 1709 г. основные литовские силы находились в окрестностях Клещелей на Подляшье. Командование антишведской коалиции направило против них из-под Сольца 9000 русских и польских солдат под командованием генерала Полонского. Сапега не принял бой, признал Августа II законным повелителем и 12 октября 1709 г. приказал всем частям, остающимся под его властью, а также находящимся вне лагеря, чтобы сделали то же самое⁸¹.

В 1709 г. последний раз в истории Речи Посполитой Обоих Народов литовская армия показала значительную боевую ценность. В двух битвах она сумела сразиться с русской армией как с равным противником, хотя последняя в то время становилась одной из лучших армий Европы. В значительной мере было это заслугой командного состава во главе с гетманом Яном Казимиром Сапегой, который сумел сначала соответственно подготовить армию, а затем мотивировать подчиненных к проявлению мужества и стойкости на

поле боя, также перед лицом превосходящего численностью и силой огня неприятеля. Комментируя состоявшуюся под Наквашей битву, Кшиштоф Завиша утверждал: «Достаточно было польскому войску три часа находиться под непрерывным огнем, биться и выдержать и одержать победу, а не было наших и 3000 в бою»⁸².

---

¹ Август II Польский к К.Я. Сапега, лагерь под Рыгой, 25.09.1700 // Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Zamoyskich. Д. 3055. Л. 93; «relacja gazetowa spod Rygi» сентябрь 1700 // Biblioteka Narodowa w Warszawie. Д. 3097. С. 270; Schuster O., Francke F.A. Geschichte der sachsischen Armee. Leipzig, 1885. Th. 1. С. 146; Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717). Warszawa, 1956. С. 52–53; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie» z 1701 r. i jego wpływ na unię polsko-litewską w czasach saskich // Zapiski Historyczne. Т. LI (1986). З. 1, С. 86; Ciesielski T. Wojsko litewskie w latach 1698–1709 // Wojny północne w XVI–XVIII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem / Ред. В. Дубаś, А. Зiemełwsка. Toruń, 2007, С. 168–169; Он же. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1700–1709 w świetle polskiej i litewskiej literatury pamiętnikarskiej // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы к 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилев, 2008, С. 356–357.

² Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos (LMAB). Fondas [Ф.] 17. Д. 177. Л. 180–195 об; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 166–167.

³ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 169 и сл.; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie». С. 86 и сл.

⁴ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 169–170; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie». С. 86.

⁵ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 358; Вицько Д. Шведське наступлення 1702 р. у Вялікім Князстве Літоўскім і спроба рэстаурацыі Сапегаў // АРСНЕ. № 6 (117), чэрвень 2012: Вайсковая гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. С. 9–13.

⁶ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 359–362; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 15–56.

⁷ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 174–175.

⁸ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 251–252; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 172.

⁹ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 179–182.

¹⁰ Там же. С. 172–173.

¹¹ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 361–367; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 56–59.

¹² Ignacego Olszowskiego Pamiętnik w czasów Augusta II-go Króla Polskiego // Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (BJ). Д. 9743. С. 63; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 359–360; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 27–28.

¹³ Wiśniowiecki M.S. Dla pamięci co się którego roku działo // Przeździecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Т. 1. Wilno, 1841. С. 103; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 367–368; Он же. Wojsko litewskie. С. 173–174, 177; Rachuba A. Polityka nominacyjna Stanisława Leszczyńskiego na Litwie w latach 1705–1709 // Przegląd Historyczny. Т. LXXXIII, 1992. З. 4. С. 622–624.

¹⁴ Wiśniowiecki M.S. Dla pamięci. С. 103; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 368.

- ¹⁵ Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 400. С. 38–40; Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 331; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 174.
- ¹⁶ Rachuba A. Polityka nominacyjna. С. 627–628; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 176.
- ¹⁷ Lietuobos Nacionalinė Martyno Mažvydo Biblioteka, Vilnius. PR 728. С. 435.
- ¹⁸ Тzw. „Kroniczka litewska” // Львівська Наукова Бібліотека НАН України ім. В. Стефаника (ЛНБ). Ф. 5. Д. 2085. Л. 5об. – 6; Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości у wewnętrznej niesnaski, woyny Korony Polskiej i Wielkiego Xięstwa Litewskiego / Изд. F. Kulczycki. Kraków, 1899. С. 68–69.
- ¹⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 6, 17; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy... wojewody mińskiego (1666–1721) / Изд. J. Bartoszewicz. Warszawa, 1862. С. 141; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 369.
- ²⁰ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 141–142.
- ²¹ Там же. С. 142.
- ²² Там же. С. 142–143.
- ²³ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об.
- ²⁴ Там же. Л. 13–13 об.
- ²⁵ Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości. С. 69.
- ²⁶ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143.
- ²⁷ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 266; Универсал Я.К. Сапиехы 2.03.1709, письмо Я.К. Сапиехы Я. Сапеху 19.03.1709 // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. без номера строн. J. Wimmer. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 339; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 309–310.
- ²⁸ Местечко Несухоиже на Воляни, севернее Ковля (более 20 км), сейчас село Воля на Украине, находится в Ковельском районе Волинской области. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych ziem słowiańskich (SGKP) / Ред. В. Chlebowski, W. Walewski, F. Sulimierski. Warszawa, 1886. Т. VII. С. 117; [http://pl.wikipedia.org/wiki/Wola_\(obwód_wołyński\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Wola_(obwód_wołyński)), [02.10.2016].
- ²⁹ Местечко на Воляни южнее Ковля, сейчас Локачі. SGKP. Warszawa, 1884. Т. V. С. 697–688.
- ³⁰ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143–144, 269–271; Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I. Богудухов 14.04 (25.04).1709 // Полтавская битва 27 июня 1709 года. Документы и материалы / Ред. Е.Е. Рычаловский. Москва, 2011. № 268, С. 348.
- ³¹ Николай Юсторович Ифлянт (Ifflant Mikołaj – в русскоязычных источниках и литературе Ифлант, Ифланд, Инфлант Николай) – офицер русской службы с 1707 г. в звании генерал-майора. (Полтавская битва. С. 567–568).
- ³² Пшемьслав П. Романиук считает, что им был Януш Антоний Корибут Вишневецкий: Romaniuk P.P. «Ilias Polski» księcia Janusza Antoniego Wiśniowieckiego, czyli «Kroniczka litewska» i Pamiętniki Ignacego Olszowskiego // Kwartalnik Historyczny. R. CXVII. 2010. Z. 3. С. 71–78.
- ³³ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об. – 14.
- ³⁴ Ляховцы, местность в Волинской области Кременецкого уезда, с 1794 г. Острожского. Современное название Белогорье (Білогір'я) – центр Белогорского района Хмельницкой области Украины. SGKP. Т. V. Warszawa, 1884. С. 53–54; <http://uk.wikipedia.org/wiki/Білогір'я>; <http://bilogiryanobk.ucoz.ru/index/0-6> [02.10.2016].
- ³⁵ Белгородка – местность в северной части Волинской области в Заславском уезде над речкой Выдавкой. Сейчас Белгородка (Білогородка) – село в Изяславском районе

- Хмельницкой области Украины. SGKP. T. I. Warszawa, 1880. С. 190; http://uk.wikipedia.org/wiki/Білогородка_Ізяславський_район [02.10.2016].
- ³⁶ AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ³⁷ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143–144, 269–271.
- ³⁸ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об. – 14 об.
- ³⁹ Relacji o Akcjej między Lachowcami i Białohorodką z generałem Infantem i Jm Panem Ogińskim // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.; У Завишы 7 апрель: Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143.
- ⁴⁰ Сейчас Малые Загайцы (Малі Загайці).
- ⁴¹ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ⁴² ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14.
- ⁴³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144.
- ⁴⁴ Местность в Волинской области в Кременецком уезде, позднее Заславском на юго-восток от Заслава. Сейчас Новолабунь – село в Полонском районе Хмельницкой области Украины. SGKP. T. V. С. 563; [http://pl.wikipedia.org/wiki/Labuń_\(obwód_chmielnicki\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Labuń_(obwód_chmielnicki)), [02.10.2016].
- ⁴⁵ Село в Кременецком уезде Волинского воеводства: Liczba głów żydowskich w Koronie z taryf roku 1765 wyd. J. Kleczyński i F. Kluczycki. Kraków, 1898. С. 15.
- ⁴⁶ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144, 270; ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об.
- ⁴⁷ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ⁴⁸ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 270–271.
- ⁴⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об. Нельзя однозначно подтвердить, о котором из братьев идет речь – Франтишке Иерониме или Станиславе. Вопрос о том, что один из них имел генеральский чин, не смог выяснить автор их биографий Ю.А. Геровский, хоть в отношении первого констатировал, что уже с 1708 г. был генералом: Granowski Hieronim Franciszek a також Granowski Stanisław, Polski Słownik Biograficzny. T. VIII. Wrocław, 1959–1960. С. 546–547, 550–551.
- ⁵⁰ Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I. Богудухов 14.04 (25.04).1709 // Полтавская битва. № 268. С. 348.
- ⁵¹ Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I... обоз под Борсклу 8.05(19.05).1709 // Полтавская битва. № 286. С. 367.
- ⁵² ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об.
- ⁵³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144–145.
- ⁵⁴ Cieślak E. Stanisław Leszczyński. Wrocław, 1994. С. 60.
- ⁵⁵ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144.
- ⁵⁶ Там же. С. 145.
- ⁵⁷ AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie (AR). Дз. II. Д. 2167. С. 1.
- ⁵⁸ Полтавская битва. С. 245, 559, 589.
- ⁵⁹ Село над Южным Бугом Подольского воеводства, 20 км западнее от Плоскурова (Хмельницкого), сейчас Черный Остров (Чорний Острів) в Хмельницком районе Хмельницкой области Украины. SGKP. T. I. С. 767; Чорний Острів; [http://uk.wikipedia.org/wiki/Чорний_Острів_\(сміт\)](http://uk.wikipedia.org/wiki/Чорний_Острів_(сміт)) [12.10.2016].
- ⁶⁰ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18.
- ⁶¹ Силы корпуса Гольца вычислены на основании: Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I. Kraków, 2010. С. 73–76, 121–122 и сл.
- ⁶² AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 2.

- ⁶³ Там же. С. 1.
- ⁶⁴ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁶⁵ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18.
- ⁶⁶ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 1. Завиша сообщает, что гетман 21 мая выступил с разездом «на самого генерала Гольца»: Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁶⁷ Местность, расположенная на небольшом расстоянии от Подкаменя в северном направлении, сейчас Накваша. SGKP. Warszawa, 1885. Т. VI. С. 889; <http://uk.wikipedia.org/wiki/Накваша> [08.10.2016].
- ⁶⁸ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 1–3.
- ⁶⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 3–4; ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷² AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 4.
- ⁷³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 271.
- ⁷⁴ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷⁵ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁷⁶ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 4.
- ⁷⁷ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 158, 300; См.: Письмо графа Г.И. Головкина Петру I... обоз под Полтавой 22.05 (3.06) 1709 // Полтавская битва. № 298, С. 383.
- ⁷⁸ Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości. С. 69–70.
- ⁷⁹ Rakowski W.F. Pamiętnik wielkiej wojny północnej / Ред. М. Nagielski, М. Wagner. Warszawa, 2002. С. 113–114.
- ⁸⁰ Там же. С. 145, 146, 273.
- ⁸¹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 19, 29–29 об; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145–146, 273–275; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 176; Тен же. Działania wojenne. С. 370.
- ⁸² Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 271.